

ОС ОГЛЯДАТАЙСТВО

Окончание.
Начало в № 50.

Здесь же приводится расклад цен на рынке:

— 27 сентября преобладал картофель по 4 рубля за пуд; мясо — от 1,5 до 2,0 рублей за килограмм; мука пшеничная — 22 рубля 16 копеек за пуд; масло сливочное и топленое от 4 до 6 рублей за килограмм;

— 4 и 5 октября базар сократился из-за холодов. Цены прежние.

Настроения рабочих ярко выражены в выступлениях на собраниях и в личных беседах.

8 октября. В бараке № 21 на 4-м участке явившаяся на работу артель печников не приступила к работе: «Мы вам печи ложить не будем. Вам, жильцам, надо идти к администрации Магнитостроя, требовать, чтобы нас снабдили спецодеждой и выдали бы продовольствие, а то нас прикрепляли к столовой № 8 по распоряжению ЦРК. Вырезали талоны на чай, сахар, крупу, мясо и все другое, кроме мыла и табака, а в ней ничем, кроме супа и каши, не кормят. Это контрреволюция!.. Разгон рабочих!.. Мы бросаем работу да тех пор, пока нас не снабдят. Мы ходили до Шмидта, ничего не получили, теперь идите вы, а иначе будете сидеть в грязи и без печей».

Один из рабочих этой артели (фамилия не установлена) посоветовал: «Сегодня в Сосновском клубе будет собрание, где выступает председатель ЦРК, давайте, бросайте всю работу и пойдем трепать ЦРК».

2 октября. Бетонщики бригады Никольского на плотине в присутствии 15 человек говорили: «Паек получали мукой и не было заботы. Теперь муку не выдают, а заставляют всех получать хлебом. В ларьке за хлебом очереди. Надо стоять 5 часов, а еще недостает на всех. Мы работаем по-ударному, не считаемся со временем, а нам за это оплачивают тем, что сидим без хлеба, и если пропустить день — хлеб пропадает. От наших крох хотят разбогатеть! Нет, видно, тут ничего не остается больше, как уехать».

5 октября. На собрании рабочих и работниц комендатуры 4-го участка (спецпереселенцы. — Автор.) из 30 человек высказались 15 и все требовали: «Пусть ЦРК снабжает мукой тех, кто не хочет прикрепляться к столовой, а то очереди в столовых и у ларьков не дают возможность обшить, обмыть детей и справиться другие семейные дела».

Там же рабочий-ударник Сырвачев говорил: «Все это одна волынка. Я — ударник. Домой приедешь, пожать нечего, надо идти в очередь и стоять после ударного тру-

да. Какое удовольствие усталым стоять в очереди за куском хлеба или за тарелкой супа? Одна прелесть! Хотя с голоду подыхай! Пусть рассчитывают — уедем. Мы ведь не собаки и не скотина, чтобы издеваться над нами! Босы, наги и — соревнуйся!»

Жительница барака Карпова в споре с соседками заявила: «Разве такая власть удержится? Нет ни хлеба, ни товару, все люди мечутся из стороны в сторону, нигде себе лучше не найдут, а власть хочет сделать усилием рабочих такие невозможные гиганты. Нет ничего, а хотят сделать большое дело. Не столько работаешь, сколько в очередях стоишь».

К недостаткам в удовлетворении насущных потребностей в продуктах, товарах часто прибавлялась и несвоевременная выплата зарплат. На плотине за сентябрь аванс не выдавался. Рабочие говорят: «Аванса мы не брали 25 сентября и рассчитывали до получения прожить, а сейчас и пообедать не на что».

Рабочие-формовщики литейной Сычев (чл. партии) и Серков (беспарт.) сетуют: «Сорвут строительство, если нам денег не будут давать целый квартал. Тут, наверное, действует контрреволюционная рука. Неужели денег нет?»

Наступают холода, а теплой одежды нет. На 800 рабочих 6-го строительного участка 17 октября прислали только 70 полушубков и несколько десятков валенок.

17 октября. Группа землекопов Бахирева — 8 человек, работающих на плотине — ушла с работы на два часа раньше, так как «износились лапти и босыми работать не могли. В кладовой на плотине лаптей не было».

Параллельно с недовольством порядками на стройке слышится ропот на местную власть, а иногда и выше. В 1-м бараке 6-го участка Антон Лисенко говорит зло: «У меня все было: лошади, коровы, и все это отобрали... У нас на родине много банд, а если только что-нибудь случится тут, ну тогда держитесь, злодеи-грабители!»

В том же бараке Белов Семен Алексеевич рассуждает: «Раньше была жизнь — не сравнишь с настоящей. Теперь нет ничего — ни купить, ни продать ничего нельзя, прямо настало время антихристов. Если бумажки на руках нет, то ничего не купишь, а еще говорят, что кулаков надо раскулачивать. Ну что, раскулачили, а толку никакого. При кулаках хоть что-нибудь да было. А сейчас кулаков нет, и у советской власти ничего нет».

Оба барачных ворчуна взяты на учет АСЭ и «прорабатываются».

Старший рабочий с плотины Перфилов ездил на родину вербовать рабсилу. Насмотрелся там всякого и удрученный виденным рассказывал товарищам по работе: «Дома у нас в колхозе дело ни к черту не идет: лошадидохнут, хлеба не дают, бабы между собой дерутся, а хлебозаготовки идут усиленно. Словом, коммунисты оставляют голодом, значит, нам здесь работать нет интереса. Надо ехать домой и прятать хлеб».

Его агитации поддались 8-10 человек, бросили работу и ждут расчета, чтобы ехать домой.

Перфилов не только взял на особый учет, но на него оформляется материал для привлечения к уголовной ответственности.

Среди служащих тоже ходят нездоровые разговоры: «Магнитострой — это вторые Соловки, — говорит один из них, — с небольшой разницей: в Соловки везут, а на Магнитострой едут сами. А отсюда все равно рано или поздно попадешь на Соловки».

Служащий бюро изобретений Дергачев (45 лет, беспартийный) в беседе с сослуживцами привел религиозный анекдот про антихриста и красного дракона, в котором дракон — в образе Советской власти, а мифическое жало зверя — 666 римскими цифрами. Посредством соединения заглавных инициалов римских цифр составляется слово Ленин. Рассказав анекдот, вдруг спросил одного из слу-

шателей: «Что такое ВКП?» Тот ему ответил: «Компартия». Дергачев усмехнулся: «Ты еще зелен. Это значит — второе крепостное право».

Дергачев взят на учет. В бараке № 20 конторы «Стальтехстрой» некто Борис говорил: «Теперь настало скверное время, в особенности для интеллигенции, так как свирепствует террор диктатуры...»

Вся власть, по его мнению, сводится к трем инициалам — ГПУ, которое может в любой момент сделать какую-нибудь гадость. «Я думаю, что им в конце концов надоест гоняться за людьми...»

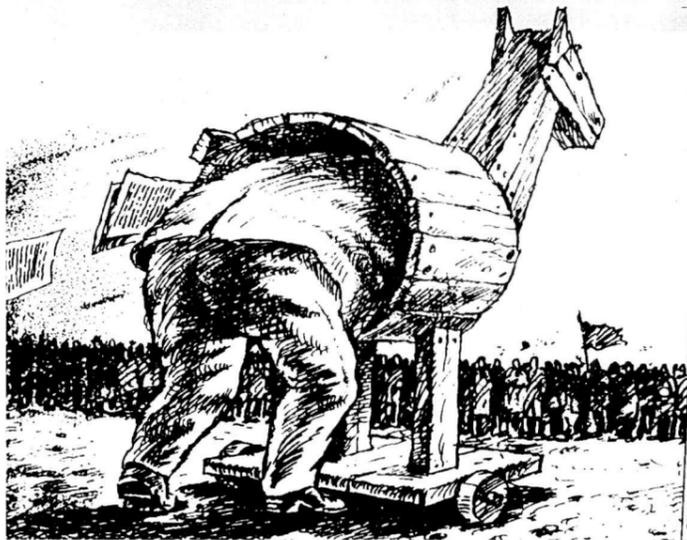
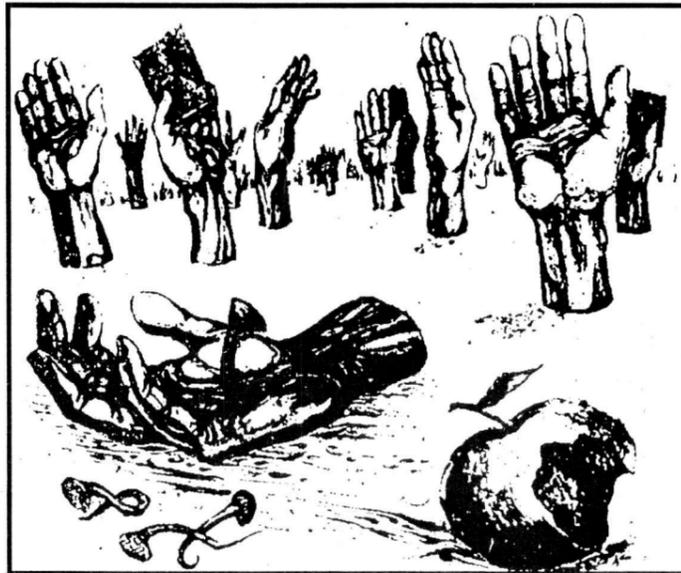
Интеллигентам вторят бывшие колхозники. Столяр Панкратов, работающий на 6-м стройучастке, рассуждает среди рабочих: «Коммунисты все воры, мерзавцы: крестьян ограбили, зажиточных уничтожили, налогами душат хуже чем при царизме. Взять хоть к примеру: я раньше платил 1 рубль 50 копеек, а теперь с меня дерут 150 рублей, да еще отдай им хлеб. Из-за этого я бросил свое хозяйство... Сталина хотят наградить орденом Красного Знамени за его отличные успехи в уничтожении крестьян. Ему не орден дать надо, а надо изрубить на куски за его отличия...»

Другой крестьянин из Средне-Уральска Шикаев работает столяром на том же участке, а в свободное время приторговывает махоркой, папиросами, вином: «Я свою землю, — говорит, — сдал в колхоз, а работать там не буду, так как не дурак работать на каких-то коммунистов, лодырей и грабителей, которые с крестьян последнюю шкуру снимают».

Они тоже взяты на заметку по линии АСЭ.

В сводке за 20.03.31 года вместо раздела «антисоветская деятельность» появился раздел с заголовком — «деятельность антисоветских группировок». Правда, сразу же под заголовком следует оговорка — «группировок не выявлено», но «антисоветски настроенные одиночки в большинстве ведут индивидуальную агитацию среди окружающих их рабочих, пользуясь трудностями работы на строительстве и отдельными ошибками и головотяпскими распоряжениями администрации, главным образом на почве зарплат, расценок, неправильного снабжения промтоварами и продуктами».

Приехавшая из Москвы Шахарева Анна, 26 лет, устроившаяся слесарем в центральные механические мастерские Магнитостроя, 24 марта 1931 года в 7 часов вечера в группе рабочих из 15 человек возмущалась: «Рабочий живет в плохих условиях, а вы на это смотрите и молчите! Вот взять как живут инженеры — им дают хорошие квартиры, питание, а вы в грязи, в бараках. Надо требовать, чтобы сделали уравнение. Советская власть и партия издеваются над вами, а вы молчите! Это не власть, а издевательство! Я хотя и беспартийная, но веду борьбу против этого. Нужно подавить коммунистов, которые не заботятся о рабочем классе!»

Бывший шофер автогаража коксохимкомбината Липатов, выгнанный осенью 1930 года из гаража за пьянство, проживает в бараке № 1 на 3-м участке. Систематически пьет и клеветает на вождя партии и правительство Сталина и Ворошилова: «Они, бляди, неизвестно куда ведут рабочий класс. Они привели его к голоду, рабочий класс разоряют, рабочие ходят раздетыми. Я сам старый революционер, знаю хорошо Троцкого и знаю о том, что его напрасно выслали из СССР...»

Весьма наполненными были будни магнитогорских согладатаев: видеть, слышать, подмечать, профильтровывать и докладывать наиболее существенное; все брать на заметку и включать в список АСЭ для профилактики, а то и покруче.

Праздники мало чем отличались от будней. Может быть, только большей «бдительностью» органов ГПУ и милиции, встречами с ветеранами революции и гражданской войны, самостоятельными концертами, торжественными собраниями.

Вот как описаны подготовка и празднование 13-й годовщины Октябрьской революции 7 ноября в сводке за 13.11.30 года.

«Празднование Октябрьских торжеств прошло при активном участии рабочих. Настроение людей во время демонстрации и митинга у площади, где присутствовало организованной массы до 12 тысяч человек, было приподнятое».

Между тем и праздничная приподнятость не обошлась без отдельных высказываний совершенно неприличного характера. В одной группе служащих горного отдела (фамилия не установлена) говорил: «Все наши трудности, товарный голод, безденежье объясняются тем, что у нас много кричат о мировом кризисе, а сами ему больше, чем государства Европы, подвержены. Вот причина, почему у нас нет ничего».

Во время митинга слышались выкрики: «Будет зубы заговаривать, наслушались!.. Давайте денег да товаров!.. Турли-поход!.. Слушать противно!.. Говорят много, а нет ничего!..»

Далее автор сводки писал: «Ни-

каких эксцессов во время демонстрации не было. Листовки и возмущенный антисоветского порядка обнаружено не было, хотя в опергруппу была доставлена листовка следующего содержания: «Кому дорога Россия, спасайте ее и чтите наших павших борцов, белых инженеров. Долой коммунистов!»

При выяснении оказалось, что эта листовка написана нашим информатором... и доставлена нам с целью показать свою работу... Ведется расследование».

К недостаткам предпраздничной работы отнесены малый охват рабочих собраниями и торжественными заседаниями. Особенно слабо охвачены женщины, всего 10-15 процентов.

Во многих коллективах обошлись кинопередвижками и просто посиделками. «Рабочие, не находя себе культурного отдыха, разыскивали спиртные напитки в соседних поселках Магнитного и Средне-Уральского и устраивали гулянки».

«Содержательно» прошло торжественное собрание 6 ноября в Заводоуправлении. Докладчик Дикаревич (помощник управляющего по финансово-коммерческой части), «упомянув о своем левом уклоне в ВКП(б), сказал только о том, что политика «левых» сводилась к нажиму на кулачество, не упомянув ни слова о том, что на самом деле этот уклон сводился к нажиму вообще на крестьянство».

Выступивший же после докладчика с воспоминаниями об Октябрьской революции Скобелев (помощник управляющего по энергетической части) «совершенно не упомянул о своей контрреволюционной деятельности, которую он играл, находясь в числе «десяти министров-капиталистов». Упомянул о себе, как сочувствовал большевикам и участвовал во встрече В. И. Ленина по прибытии его на Финляндский вокзал в г. Ленинграде».

Эти «ошибки» докладчика и Скобелева поправил секретарь партколлектива Лашков — «участник Октябрьского переворота, разоблачивший роль Скобелева в революции как защитника министра Чернова».

В связи с фактом присутствия на строительстве Магнитогорского комбината таких людей (как Скобелев, троцкист Вольпер и другие), не подвергшихся «мерам социальной защиты», напрашивается вывод, что Магнитострой был местом ссылки неопасных для власти «контрреволюционеров», включая спецпереселенцев. Весьма любопытная страница в жизни первомагнитогорцев, наполовину скрытая от современников.

В приведенных сводках лишь открывается значительный пласт второй, неосвещенной стороны жизни первостроителей. Все «недостатки», отмеченные в теневого жизни, объясняют многое из того, что на первый взгляд кажется необъяснимым. Чем, например, объяснить большой отток со строительства людей, приехавших сюда на волне энтузиазма? В сводках на этот счет дается прямой ответ: трудностями физического, бытового и морального свойства. Люди окунались в такую атмосферу неустраиваемости и бездушия, от которой бежали без оглядки. Это уже потом, во второй половине 30-х, началось активное самозакрепление.